

Добрыня и Алеша. Былина

Досюль Добрынюшка матушке говаривал:

«Свет государыня матушка,
На что меня спородила
Ездить во чисто поле,
Бить удалых молодцев,
Слезить да жен молодых?
Лучше бы ты меня спородила
Горючим синим камешком –
Не знали бы тогда про Добрыню добры людюшки.»

Говорила ему матушка:

«Я на то тебя спородила –
Силой-удачью – во старого казака Илью Муромца,
Именью-богачеством – во Дюка Степановича,
Ездить на добрых конях –
Во Потыка Михайла Ивановича,
Со тугих луков стреляти –
Во Туганова во Змеевича.»

Потом говорил Добрыня матушке:

«Спасибо тебе, матушка, на тех речах, на умильных».

Потом взял он уздечку тесмянную

И седельшко черкасское,

И шел он на стойло лошадиное,

Стал седлать, уздать добра коня.

Говорит-то Добрынина матушка,

Говорит-то свекрова(ь) невестушке:

«Что ты сидишь, посижива(е)шь,

Что дума(е)шь, выдумыва(е)шь,

А не идешь ко Добрынюшке спрашивать –

На долго ль едет во чисто поле?»

Тогда бежала она на широк двор.

«Ай же, Добрыня Никитинец,

Надолго ль ты уедешь во чисто поле?»

Говорит Добрыня таковы слова:

«Жди меня со чиста поля ровно три года,

Пройдет как ровно три году(а),

Потом хо(че)шь замуж по(й)ди,
А хо(че)шь вдовой живи.
Еще клади три годика,
Тогда будет шесть годов,
Потом хоть замуж по(й)ди, хоть вдовой живи;
Только не ходи не за купца, не за барина,
А по(й)ди за росейских славных богатырей.»
Потом только видели Добрыню молодца
Сядучись его на добра коня,
А не видели поедучись.
Куда поехал по чисту полю –
Одна куревка прокуревела.
Тут свекрова(ь) да невестушка
В одно место сдвигаются –
Приедучись Добрыни с чиста поля не начаются.
Год за год – как дождь дождит,
Неделька за неделку – как трава растет.
Потом прошло ровно три году(а) –
Не видать Добрыни со чиста поля.
Потом смелый Алеша Попович
Приходит в его палаты белокаменны,
Говорит-то он таковы слова:
«Был-то я да во чистом поле
И видел Добрынюшку убитым,
Ножками лежит ко Почай-реке,
А головушкой во ракитов куст,
У черных ворон глазушка повывклеваны,
Скр(в)озь белую грудь трава выросла.»
Стал он забаивать и заговаривать,
Замуж за себя сватати Наталью Микуличну.
Говорит она да таковы слова:
«Не (по)йду я за тебя во замужество;
Еще кладу срок на три годику,
Тогда всего-навсе будет ровно шесть годов.
И ежли не будет Добрыни со чиста поля,
Точно я хо(че)шь замуж по(й)ди,
А хо(че)шь вдовой живи.
Тут пошел Алеша с палат белокаменных.
Прошло-то ровно шесть годов

И говорит Наталья Микулична таковы слова:
«Прошла заповедь мужеская,
Теперь кладу заповедь женскую – ровно на шесть лет,
Всего-навсего двенадцать лет,
Ежли потом не будет Добрыни со чиста поля,
То я хо(че)шь вдовой живи, а хо(че)шь замуж по(й)ди.
Потом сватает её Алеша через двенадцать лет
И говорит он ей таковы слова:
«Видел я Добрыню убитым во чистом поле».
Говорит ему Наталья Микулична:
«Не ври-ка ты, Алеша Попович,
Не (по)йду я за тебя во замужество.»
Приходит тут Алеша Попович
Со Солнышком князем сватать насильно.
Как Наталью Микуличну
Силой взяли во Божью церковь
И обвенчали с Алешой Поповичем.
И пошло у них столованье- почестен пир.
А тот ли Добрыня Микитинец,
Ездил он по чисту полю,
Раздернул шатер белополотнянный,
Становил карюшка к шатру белополотнянну.
Насыпал коню пшены белояровой.
Не зоблет конь пшеницы белоярой,
Сам бьет копытом во сыру землю.
Говорит тут Добрыня Микитинец
Своему да добру коню:
«Мой карюшко-бурушко косматенькой,
Ездил на тебе я ровно двенадцать лет,
Щипал ты везде травку шелковую,
Ел пшеницу белоярую,
А теперь ты не щиплешь травки шелковой
И не ешь пшеницы белояровой,
Аль невзгодушку сведал над собой, аль над хозяином?»
Повещал тут конь языком человеческим:
«Твоя-то молода жена Наталья Микулична
Столуется-пирует с Алешенькой».
Потом (в)скочил Добрыня на резвы ноги
И (в)скочил-то он на добра коня.

«Ты, добрый конь, возил меня три году,
А теперь вези ровно три часу.»
Не прошло как ровно три часу –
Приехал Добрыня к своей матушке под окошечко,
У ней воротца были призаложены.
Говорит-то Добрыня таковы слова:
«Родитель, моя матушка,
Ты пусти меня в палаты белокаменны».
Заглянула она да в окошечко:
«Ай ты, погано идолище,
Отойди от окошечка косивчатого (косятчатого)».
Говорит ей Добрыня таковы слова:
«Отчего не спознала ты сына любимого?»
«А потому не спознала я,
Что у моего дитятка было личико – белый снег,
А твое личико с кровью зарудилося и глаза помутилися,
Отрослись у тебя волосы длинные».
«Ай же, родитель моя матушка,
Отрослись у меня волосы через двенадцать лет,
Лич(и)ко зарудилось, глаза затуманились
От ветров осенних, холодных».
Говорит потом Добрынина матушка:
«У моего у родимого дитятка
Была надебка родимная
Под пазухой под правую».
Потом скидывался Добрыня Микитинец,
Показал ей надебку родимую.
Тут старости своей старуха не услышала,
Брала его за руки за белые,
Проводила во палаты белокаменны.
Потом спрашивал Добрыня у матушки:
«А где жена моя Наталья Микулична?»
«А столует-пирует с Алешенькой
У Солнышка князя Владимира».
Засмеялся Добрыня, говорил он таковы слова:
«Вчера как была кругла неделюшка
Как мы видились с Алешой Поповичем
И крестами побраталися,
А теперь меньшей крестовой брат

От большего сестру(?!) (хочет) отнять».
Говорит-то Добрыня таковы слова:
«Родитель моя матушка,
Неси-тко платья цветные,
Сапожки зелен сафьян
И гуселка яровчаты,
Пойду я к Алеше на почестен пир».
Крест сполна он кладет, Богу молится,
Всем господам в пиру клонится,
Полячинам (поляницам(?)) всем удалым
И купцам всем богатым,
Солнышку князю особенно
И Алеше со княгинею особенно.
Потом как говорит Солнышко Владимир князь:
«Ай же, малая скоморошинка,
Все местечки забавлены,
Немножко есть местечка на печке муравленой».
Он на ножку легок был,
Повыскочил на печь на муравленую;
Струну натягивал от Киева,
А другую от Царя-града,
А припевочки повел от синя моря.
Говорит ему Солнышко Владимир князь:
«Ай же, малая скоморошинка,
Не твое место на печи сидеть,
А как твое-то местечко супротив меня».
Говорил он Солнышку таковы слова:
«Дай ты мне налить чару зелена вина,
А попотчевать Алешеньку с княгинею».
Говорил ему Владимир князь:
«За твою игру великую,
За припевочки умильные,
Что хо(че)шь на пиру, то и делай ты».
Наливал Добрыня Микитинец
Чару зелена вина
И спустил-то в чару обручен перстень,
И подал чару единой рукой
Той ли Наталье Микуличной.
«Принимай ко чару единой рукой,

А выпивай единым духом,
Пей до дна – увидишь добра».
Принимала она чарочку единой рукой,
Выпивала единым духом,
Увидала она обручен перстень
И говорит она таковы слова:
«Не тот мой муж, который возле бока,
А тот, который супротив меня».
Скакала она со столов дубовых,
Брала Добрыню за руки белые,
Целовала во уста сахарные.
Говорил-то Добрыня Микитинец:
«Виделись мы с Алешенькой в чистом поле
И крестами побраталися,
А теперь меньшей крестовый брат
От большего жену отнял».
Говорил потом Добрыня таковы слова:
«Кабы был ты, Алеша, не крестовый брат –
Взял бы тебя за желты кудри,
Перездынул бы через столы дубовы,
Кинул бы тебя об кирпичный пол –
С тебя бы, Алеша, один пепел стал».
Потом взял левой рукой Алешу за желты кудри,
Кинул Алешу в подлавочье.
Алеша с-под лавки выговарива(е)т:
«Всякий на свете женится,
Да не всякому женитьба удадается».
Потом вышел Добрыня Микитинец,
Сошел в свои палаты белокаменны.

Записана от А. О. Пантелеева, крестьянина Пудожского уезда, Коловской волости, деревни Ченежи, 1904 г. Н. С. Шайжин «Олонецкий фольклор». Петрозаводск, 1906 г.

Смотрите также: [Добрыня Никитич и Алеша Попович](#)